

*Эту повесть я посвящаю бабушке
Александре Тимофеевне Баркаловой,
чь характер и судьба стали
легендой нашей семьи.*

1.

Маленькой Шуручке часто снилось, как она убегает и не может убежать от наступающего зла – Бабы-Яги или какого-нибудь другого страшилища. Руки и ноги ватные, а воздух густой и плотный, через него пробиться тяжело, и движения замедленные, как нарочно, когда нужно бежать очень быстро. Сон пугал, и девочка просыпалась с криками. Но всегда рядом оказывалась мама, она приходила на помощь, утешала, гладила по головке, и мир опять становился уютным и гармоничным.

А сейчас сон никак не хотел кончаться. И мамы рядом не было.

Александра гладила свой едва заметный животик и шептала, повторяя: «Скоро всё прекратится, доченька, всё будет хорошо, это только сон». Она почему-то была уверена, что родится девочка.

Шура лежала под откосом возле железнодорожной насыпи, вокруг валялись обломки зелёных вагонов, догорали остатки разбросанных шпал. Неподалёку хрипела старушка в красной вязаной кофте. Александра с ужасом поняла: у старушки не хватало части ноги – оторвало и отбросило взрывом неизвестно куда.

Всё новые и новые самолёты надсадно гудели, снижались, сбрасывали бомбы, а затем, облегчённые, поднимались и убирались прочь. Уши закладывало от воя их моторов и невыносимо громких разрывов снарядов. Сколько прошло времени? Шуручке чудилось, что этот ужас длится целую жизнь. «Нас ведь уже нет, что вам ещё нужно?»

Кажется, бомбёжка заканчивается.
Улетели.

Наступило затишье. Стало слышно потрескивание горящих вагонов, шелест травы, пригибаемой ветром, стоны раненых. Ветер разносил запах удушливой гари, смешивая её с ароматом степных трав.

Шура тяжело поднялась и огляделась. Ровной земли вокруг не было, всё взрыл гигантский злой пахарь, оставив на поле следы долгих ног – воронки и холмы. Кого-то из пассажиров выбросило взрывом из поезда, кто-то, как Шуручка, успел выскочить сам – люди, живые и мёртвые, лежали, присыпанные землёй и пеплом. Некоторые, очнувшись, шевелились, ощупывали себя.

Раненая старушка последний раз прохрипела, вытянулась и затихла.

«Если бы я знала, чем обернётся эта поездка, – думала Шура, – я бы не рванула беременная в Белосток к мужу. Маму не послушала, поехала. И Людочку маленькую оставила ...»

Три недели назад, полная радостного ожидания, Шуручка отправилась из Ташкента через всю страну на границу СССР с Польшей, в город, где служил её муж. Накануне, не обращая внимания на мамины причитания и полные слёз глазки двухлетней дочки, она быстро собрала дорожный узел, перекинула его через плечо и помчалась на вокзал. Повезло, что поезд отправлялся вечером этого же дня. Всю дорогу она представляла, как радостный Володька бежит ей навстречу, берёт за руки, кружится с ней, смеётся, как в фильме с Валентиной Серовой, в котором встречаются влюблённые после долгой разлуки.

В действительности муж встретил её совсем иначе. В командирской форме, хмурый и какой-то чужой, он казался намного старше своих лет. Сухо поприветствовав беременную жену, он не обнял её, а сразу оголошал вопросом: «Так, Александра. От кого?»

Шуручка сжалась, прибитая нелепым подозрением и, не найдя ничего лучшего, сказала: «От Пушкина».

Владимир молча развернулся и ушёл, тяжело ступая казёнными сапогами.

Ей бы броситься, догнать, выкричать свою обиду мужу в лицо, добиться, чтобы услышал, понял свою неправоту...

Но нет же, гордая. Дурочка.

Про себя, молча, она ему всё-всё рассказала, напомнила, как всего несколько месяцев назад он, законный и любимый муж, нежно шептал ей в ухо: «Чубчик ты мой, Шурча, Шурёнок», сдерживая себя и стараясь потише барахтаться. В соседней комнате спали малышка Людочка и мама. Вскоре после этой ночи призвали Вольку в армию, и уехал он на границу, в далёкую Белоруссию. А ей, Александре, тело немного погодя подсказало: ты не одна, вас теперь двое. В июне Шура решила ехать на поездку. С трудом договорилась, чтобы на работе оформили отпуск вне очереди, и рванула.

«Что делать, что делать, что делать?» – молоточком стучало в голове сегодняшней Александры, застигнутой врасплох внезапной бомбёжкой и ощущением полной катастрофы.

Что происходит? Откуда самолёты? У нас же со всеми мирный договор?

Узел, в котором были немудрёные дорожные принадлежности и кусок лепёшки, купленной на вокзале, валялся, слава Богу, неподалёку. Надо его подобрать. Шура попыталась нагнуться и охнула. Спрыгивая с насыпи, думала только об одном: «Лишь бы не на живот!» Оказалось, что она изрядно расцарапала бок и локти, которые начинали страшно болеть. Но подумалось: она-то отделалась легко.

В поле и на насыпи лежало множество окровавленных тел, целых и разорванных на куски.

Были и живые люди. Раненые стонали и выли от боли. Уцелевшие вставали, отряхивались и шли к путям: грязные, растерянные, оглушённые случившимся.

Дедок в засаленном картузе, шаркая, приблизился к Александре. Вытерев рукавом слезящиеся глаза, тронул её за локоть:

– Пойдём, дочка, чего ждать. Нового налёта, что ли? Я эти места знаю. Тут рядом, несколько вёрст, станция, чуть-чуть не доехали. Я бы сошёл – и дома. А ты откель?

– Из Ташкента, дедушка.

– Вона как! Далекое. А чего искала, ехала-то к кому?

– К мужу... – Шурочка не сдержалась, всхлипнула, попыталась вдохнуть поглубже, но захлебнулась в рыданиях. Соединились и несбывшиеся мечты о чудесной встрече с любимым, и усталость от долгой дороги, и всё, что случилось сейчас.

– Поплачь, дочка, это тебе нужно. Ничего, сдюжим. Победим. Мы же советские...

Они шли вдоль насыпи, к ним понемногу присоединялись другие пассажиры. Вскоре к станции шла порядочная толпа уставших и напуганных людей, тащивших свои узлы и чемоданы.

Никто не знал, что это был первый день Великой Отечественной.

2.

Поездка в Белосток в июне сорок первого не прошла даром. Пережитые волнения, прыжок из горящего вагона – и Танюшка родилась с травмой таза, одна ножка была короче другой, девочка заметно прихрамывала.

Шла война.

Далеко на западе, где падали бомбы и гремели взрывы, воевали советские солдаты, чтобы уберечь от врага своих родных. Там в составе механизированной колонны сражался старший техник-лейтенант Владимир, единственный мужчина в семье.

А его женщины: жена, дочери Людочка и Танечка и очень уважаемая им тёща Евдокия – пытались выжить самостоятельно.

И, надобно сказать, им повезло: имелась крыша над головой, а фронт грохотал очень далеко. Сравнить было с чем.

В Ташкент хлынуло великое множество людей, эвакуированных из прифронтовых городов. Толпы приезжих долго жили на вокзале, пока власти подыскивали им жильё. Москвичи и ленинградцы растерянно стояли на перроне, не понимая, как быть, затем, через несколько часов бесплодного ожидания, находили место и садились у свободной стены, а к ночи стелили газетки на землю и ложились спать. Ждать своей участи иногда приходилось неделями, а денег, конечно, в обрез, и кормиться нечем. Ташкент, как тогда говорили, город хлебный, но на хлеб нужно заработать.

Кто-то продавал привезённый скарб: шали, кружевные воротнички, варежки. Кто-то, пока не появилась более-менее постоянная работа и продуктовые карточки, пытался заработать талантами. Такие шли на ближайший базар и, собирая вокруг себя небольшую толпу, играли на музыкальных инструментах и пели или танцевали. Особенным успехом пользовались исполнители-дети.

Александра не могла себе представить, чтобы её Людочка на потеху базарным торговкам выделяла «коленца», загребая пыль босой ножкой, или пела частушки. Но, конечно, голод не тётка, на что не пойдёшь ради еды! Жалость к несчастным людям, а особенно к детям, сжимала горло и выкатывалась из глаз горячими слезами, так что Шура глядела как сквозь пелену и с трудом разбирала дорогу.

Спасением для иногородцев оказались пункты забора крови. Чтобы стать донором, нужно было пройти обследование, помывку, и, если ты здоров, тебе давали ломоть хлеба и крепкий сладкий чай – необыкновенное удовольствие для голодного человека. А уж потом брали у тебя кровь. Поэтому в доноры шли все приезжие, возле пунктов сдачи крови стояли километровые очереди.

Александра проходила к месту своей работы, донорскому пункту, мимо эвакуированных и, не имея сил взглянуть на толпы тесно сидящих и лежащих взрослых и детей, опускала голову, пряча глаза.

Многие сердобольные горожане брали приезжих к себе, делили с ними кров, а часто и хлеб.

У Шуры такой возможности не было. Двух смежных комнаток, разделённых занавесочкой, которые они с мамой (и папой, пока был жив) много лет снимали у дальней родственницы и соседки Зои, хватало на двоих, и явно стало тесно, когда Шура вышла замуж. Им с Вовкой, молодым и горячим, когда хотелось ласки, часто казалось, что храп Евдокии, по которому они определяли, «когда можно», становится вдруг громче именно для того, чтобы скрыть её бессонницу, и затихали, долго ожидая, пока наступит «время любви». Сейчас, когда Александра об этом вспоминала, ей казалось, что была тогда необыкновенно счастлива. Почему они не ценили эти минуты? Почему Володя так легко забыл её жаркие объятия и не поверил, что беременность от него?

Теперь в маленьких комнатах ютилось четверо: Шура с мамой и девочки. Позвать ещё кого-то в съёмное жильё она не могла, оставалось только молча сочувствовать бездомным приезжим...

В Ташкент также эвакуировали множество предприятий и организаций из центральных районов страны. Шуре повезло: она устроилась лаборантом в Институт вакцин и сывороток. Сотрудницы института производили вакцину сотнями и тысячами доз для нужд фронта, ведь солдат по приказу командования прививали от опасных болезней: дизентерии, тифа, холеры, столбняка. В соседней комнате, отделённой перегородкой, располагалась лаборатория, где эти вакцины разрабатывали учёные.

Рабочий день был длинным, работа утомляла, требовала внимания и сосредоточенности, приходилось часами сидеть в особой стерильной одежде, согнувшись над столами, и делать однообразные движения, чтобы смешать в нужных пропорциях крошечные дозы веществ, подготовить «среды» для выращивания микроорганизмов.

– Мам, вот удача так удача – работа моя! – радостно делилась за ужином Александра, облизывая ложку. И тем же тоном:

– До чего у тебя вкусный борщ!

– Шур, какая удача, у тебя же спина и глаза к вечеру болят, ты вон шуриться стала, я вижу, – недоумевала Евдокия.

– Нет, мамуль, я считаю, мне крупно повезло! Потому что тружусь в тёплом помещении, сидя, ноги не напрягаю, а ещё дают продуктовые карточки. Мне ведь кормить четверых. Девочки наши растут и растут! Их накормить нужно, обуть и одеть.

– Это да-а-а, – соглашалась мама.

Приходилось несладко. Зарплата копеечная, а карточки полагались лишь на работающих. С малыми детьми сидела бабушка Евдокия, и получилось, что главным добытчиком в семье стала Шурочка.

Зимами, бывало, ели только затируху: муку, заваренную в кипятке. С голоду эта баланда казалась лучшей едой в мире. Правда, временами и она

в горло не лезла, изо дня в день – одна и та же затируха, ничего, кроме затирухи.

Бывало, шустрая и беспокойная Танюшка, наигравшись вволю на улице, забегает домой с криком:

– Бабуль, кушать хочу!

– Садись, затируха есть.

Людочка, худенькая, прозрачная, уже сидит за столом, нехотя возит ложкой по тарелке. Евдокия, еле утихомирив взбудораженную младшую внучку, поливает ей над тазом, помогая вымыть грязные руки и рожу, затем усаживает за стол. Старшая внучка всё ещё «домучивает» свою порцию.

– Люд, а ты, наверное, уже не будешь есть? – интересуется крепенькая, круглощёкая младшая, успев быстро выхлебать свою затируху.

– Буду, – мрачно глядя в тарелку, отвечает старшая сестра.

Аккуратно набирает в ложку неаппетитную жижу и отпивает с краешку.

– Ну, Люд, тебе ведь уже не хочется, да? – заглядывая ей в лицо.

– Хочется.

Люда с отвращением съедает ещё пару ложек похлёбки. Танюшка провожает взглядом каждое движение сестры.

Люда наконец отодвигает прибор:

– Ладно, бери, так и быть.

Таня хватается тарелку и молниеносно опустошает её, а потом вылизывает.

– А ещё есть? – с надеждой глядя на бабушку, спрашивает она.

– Нету, – со вздохом разводит руками Евдокия.

Бабушка по очереди гладит по головке каждую малышку, одновременно фартуком вытирая слёзы, набежавшие на глаза.

Взрослые понимали: какая удача, что затируха есть в доме. В собесе выдавали талоны на эту единственную еду, как поддержку семье фронтовика. Отоваривать талоны Евдокия ходила с кастрюлькой в столовую.

Дочь весь день проводила в лаборатории, вечером бежала на вторую, а то и на третью работу, а бабушке нужно было обеих девчонок накормить, приласкать, починить и поштопать одежду.

Бабушка умела шить и вязать, как и всякая советская женщина, прекрасно вышивала, но ткань, нитки и пряжу тоже требовалось купить. Знала, как перелицевать вещь, заштопать нитками, выдернутыми из старой ткани, но в конце концов всё изнашивается. Вон у младшенькой опять локотки на рубашечке протёрты до дыр...

Впрочем, к вещам относились аккуратно, младшенькую одевали в обноски старшей, а в тёплое время года, которое в Ташкенте длится семь-восемь месяцев в году, «давали телу дышать», почти не одевали. А что? У всех малыши днём бегают в трусишках.

А как быть с зимней обувью? Ботиночки у старшей опять «кушать просят». Их придётся чинить, и нужно за это заплатить сапожнику...

3.

Весной с пропитанием становилось полегче. На базарах появлялась «какая-никакая овощь». Составляли список необходимого, в который входили картошка-моркошка, зелень, мука, хлеб ташкентского хлебозавода, серый, плотный, сытный. Временами можно было позволить себе даже мясо и фрукты: арбузы, дыни, виноград. «Кисля-пресня маляко» носили по дворам узбечки с окраин, державшие коров и коз, и каждый день у детей была хорошая еда. Правда, немного: лишь бы выжить.

Всё стоило копейки, но и их требовалось зарабатывать. «Ничего, сэкономим, выдюжим...», – думала Евдокия.

Шура вечером забегала похлепать приготовленную еду, целовала девчонок и уходила торговать маминой выпечкой. Она заметно похудела, осунулась, но молодой энергичный блеск в глазах не погас.

Сегодня собрались в небольшой комнатке Шурины подружки, чтобы отметить долгожданные победы на фронте.

Галочка с рыжими буклями, остроносая и худая, энергично топая, носит с терраски еду, Зинаида – чёрненькая, с длинной косой, не спеша накрывает в комнате стол. Евдокия ещё готовит: в казанке томится плов, от которого идёт упоительный запах, а в кастрюльке рядом стоит компот из сухофруктов, его нужно будет перелить в кувшин. Тёплым парком исходит стопка блинчиков. Рядом редчайшая вкуснятина – вишнёвое варенье. Несколько яблок розовеют боками в отдельной мисочке.

На угощение собрали вкладчину, получилось очень даже ничего, решила Евдокия, оглядывая праздничный стол.

Шурочка, раскрасневшись, настраивает гитару, русые косы сложены крест-накрест на затылке, над маленькими ушками завиваются колечки волос, выбившиеся из плетения. Она сейчас очень хороша.

Людочка и Танюшка крутятся под ногами, мешая и прибавляя шума к веселью. Особенно смешно, когда младшая залезает на стул и начинает «изображать», то есть корчить уморительные рожицы и монотонно бубнить «в рифму»:

Тю, патьу, алю,
Манюка,
А кафука,
И барюка!

Все покатываются от смеха, громко хлопают в ладоши, Танюшка потешно кланяется и, не удержав равновесие, падает со стула. Спектакль завершается громким рёвом. «Артистку» достают из-под стула, утешают, вытирают слёзы, дают кусочек сахара. Шура сажает дочку на колени и начинает допытываться:

– Что это ты читала нам?
– Штихи, – облизывая угощение, сообщает Таня.
– Про что стихи?
– Про кафуку и барюку! – уверенно утверждает довольная девочка.

Все взрываются хохотом.

Но теперь старшая сестра устраивает сцену из-за сахарочка. Люду тоже утешают, дают сладость, несмотря на укоризненный взгляд Евдокии, не одобряющей такого баловства. Всё должно быть в меру, «хорошенького понемножку», считает она.

Наконец все уселись за стол.

– Мам, ну, доставай, – командует Шура, и Евдокия лезет за штورку в нишу, берёт с полочки заветную бутылку.

Со спиртным, как везде, тяжело, и спирт, купленный втридорога на рынке, используется почти как лекарство, «по капелюшечке». Для застолья накануне в специальной бутылочке была сотворена «настойка»: в разбавленный спирт опустили сухие лимонные корочки, хранившиеся с незапамятных довоенных времён.

Подняв стопочку, Шура, как глава семьи, провозгласила тост:

– За победу!

– За победу! – хором подхватили подружки и Евдокия, вытирающая слёзы уголком платка.

Стопками чокнулись все, даже дети, держа свои – с компотом – неумело, на вытянутых руках, но радостно смеясь. Ведь они, как взрослые, стучаются стеклянной посудинкой, и она тихонько звенит, а это так необычно и празднично.

Выпив, все приутихли, призадумались...

– Угощайтесь, девочки, – наконец встрепенулась Шура и первая потянулась за блинчиком.

Подружки оживились и с удовольствием стали пробовать приготовленное хозяйкой.

– Ой, вкусно, бабуль, – с полным ртом восхищались девчонки, и им поддакивали взрослые гости:

– Да, Евдокия Сергеевна, очень! Вы знатная кулинарка!

– Мамуль, правда, ты молодец, спасибо тебе! – вторила подругам Шурочка, чувствуя себя почти счастливой, ведь и еда вкусная, стол какой чудный, и доченьки в порядке, здоровы. И Володя жив, пишет, что был ранен, но вылечился, и скоро победим. И все вокруг такие прекрасные, что петь охота.

И она быстренько проглотила свою еду и взяла гитару.

Очи чёрные,
Очи страстные,
Очи жгучие
И прекрасные...

Александра пела чистым высоким голосом, перебирая струны, качаясь в такт романсу, то широко раскрывая глаза, то закрывая, затеняя при этом щёки длинными ресницами.

Галочка и Зиночка в восторге жмурились и тоненько подпевали подруге в унисон, иногда удачно раскладывая мелодию на два голоса.

Песня вилась, тянулась к небесам, и, покорно ей, поднималась в душах какая-то светлая грусть и одновременно радость, становилось так сладко – до жути, до слёз, до мурашек на коже...

Романс улетал в открытое окно, и скоро с улицы к нему, расположенному низко над тротуаром, привело прохожих и соседей, притянутых чистым ангельским голосом... Каждый хотел быть ближе к красоте, радости, скорой победе, которую незнамо как, но тоже приманивал этот голос.

Люди слушали, стоя у окна, тихо, сначала не выдавая себя, а потом, когда песня умолкла, загомонили, заплодировали Шурочке, как заправской певице, стали хвалить и просили спеть что-нибудь ещё.

Что ж, петь Александра – мастерица. Жаль, нечасто удавалось ей показать себя да порадовать других. Время такое, не до песен...

4.

...Шурка крепилась всю дорогу, пока шла домой, но начала рыдать сразу, как вошла на терраску, где мама готовила немудрёную еду. Евдокия обернулась:

– Что случилось?

– Забрали...

– Что забрали?

– Всё... И пирожки, и деньги... Грозилась арестовать и закрыть в тюрьму..., – Александра всхлипывала, сморкалась в первую попавшуюся тряпку. – Ты столько трудилась, тесто месила, моркву варила, лепила эти распроклятые пирожки, муки сколько ушло! – Она ожесточённо погрозила пальцем кому-то, кто сделал её сейчас такой несчастной. – Мы же сами не ели, девочкам не давали, и я после работы так устала, но понесла продавать, и вот...

Шурка почти каждый вечер после официально-рабочего дня в лаборатории уходила торговать к железнодорожному депо, где рабочие покупали себе перекус. Из сбивчивого рассказа дочери Евдокия поняла, что устойчивый приработок в виде продажи выпечки накрылся медным тазом.

– А сегодня нагрязнула милиция! – с обидой объяснила несчастная Александра.

Бравые ребята в форме объяснили, что такое нетрудовые доходы, отобрали источник незаконного обогащения, то есть пирожки. Но, пожалев усталую симпатичную девушку, отпустили, хотя могли и задержать, и грозило бы это ужасными последствиями.

Теперь Шурка горько плакала, уткнувшись матери в передник, а та, глядя её по голове, мрачно молчала.

– Я снова пойду, – Александра, упрямо сжав зубы, подняла глаза на мать. – Буду внимательно смотреть по сторонам и не попадусь!

– Опасно, Шурка! – встревоженно предупредила Евдокия, но дочь глядела на неё заплаканными глазами так твёрдо, что было понятно: ведь пойдёт опять и понесёт, и добудет так необходимые им четвертым деньгами.

Они придумали эти пирожки, когда стало совсем трудно, и отступать Александра не собиралась.

Владимир, хотя и писал домой всю войну, но делал это изредка, отделялся дежурными фразами и пожеланиями, отвечал на послания жены так, как будто его заставляли. Вежливо передавал привет теще и дочери Людочке. Упрямый муж, похоже, так и не поверил объяснениям, которые, разумеется, Шура написала сразу по приезде из Белоруссии, обливая письмо слезами, так что некоторые буквы расплывались. И она теперь часто плакала по ночам, омывая своё израненное сердце. Мокрую подушку утром переворачивала другой стороной. Но мать, чистюля, позже перестила постель, неизменно обнаруживала следы горьких страданий. Ничего не говоря, выносила подушку на воздух, чтобы просушить, затем клала на место. Вообще, всеми силами старалась облегчить ей жизнь. Домашние дела вела сама, воспитывала внушек, готовила, встречала вечером измотанную Александру.

– Мама, рубль на день, не больше. А то не уложимся в месяц. Продуктовые карточки – это подспорье, конечно, но... Людочке надо пальто. Тане пока телогреечка прошлогодняя пойдёт. Завтра ещё будут на работе давать детские ботинки в счёт полочки, можно в рассрочку.

Александра одевалась, крутясь перед небольшим зеркалом, висящим на стене, и одновременно тараторила, а мать с осуждением наблюдала за ней.

– Мам, ну что ты сердишься, главное, война же закончилась, скоро всё будет ещё лучше. А мне и отдохнуть надо, я же всё время работаю. Уже и в кино с подружкой, что ли, не сходить? С сегодняшнего дня начинает летний кинотеатр работать. Там, говорят, в новом фильме Кадочников. Красавец, я его обожаю!

Шурочка расчёсывала русые волнистые волосы, делала пробор, заплетала толстые косы и витиевато укладывала их.

– Тебя девочки и так не видят из-за работы, а ты опять куда-то..., – проговорила Евдокия и вздохнула.

– Мам, ну ладно, не обижайся! Тебе просто хочется, чтобы я дома побыла. Но я же молодая, не могу без кино! И подружек! И обувь новую выгулять надо!

Мать молчала.

– Ты помнишь, я всю войну в одних и тех же ботинках проходила, сапожник уже заплатки на заплатки ставил! А тут удача, Галочке туфли подаренные не подошли, маловаты.

Материно лицо смягчилось, но она продолжала хранить молчание.

– Ну, мам! Я только в кино и всё, и гулять потом не пойду.

Шурка схватила носовой платочек, кошелек и выскочила поскорее, чтобы заглушить муки совести.

Евдокия также молча вышла за дверь, чтобы посмотреть, как стремительно дочь направляется к калитке. «Бедная моя девочка. Конечно, хочется и радости чуть-чуть. Несладко ведь пришлось... Война, война...»